

Протоиерей Димитрий Кирьянов

ЕСТЕСТВЕННОЕ БОГОПОЗНАНИЕ В ТВОРЕНИЯХ СВЯТЫХ ОТЦОВ ЦЕРКВИ И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ДИАЛОГА НАУКИ И БОГОСЛОВИЯ

В статье автор исследует феномен естественного богопознания, основанного на святоотеческом Предании, в контексте современного диалога науки и религии. Рассмотрен вопрос об отношении святых отцов к познанию внешнего, чувственного мира и взаимосвязь такого вида познания со стремлением человека увидеть через творение Творца. Приводятся результаты естественнонаучных исследований, позволяющие отчетливо увидеть в современной картине мира разумное начало. Автор предлагает размышления о перспективе диалога между религией и наукой, делая акцент на том факте, что подлинное знание о мире и человеке возможно только в комплексе естественных и гуманитарных дисциплин.

Ключевые слова: естественное богопознание, святые отцы, диалог науки и религии, замысел, антропный принцип, «тонкая настройка» Вселенной.

Введение

В начале третьего тысячелетия вопрос о роли науки в современном мире и о том месте, которое в нём занимает религия, о том, как соотносятся между собой сегодня эти две столь различные и столь значимые составляющие человеческой культуры и как может измениться их соотношение в будущем является одним из наиболее актуальных. В массовом сознании доминирующей продолжает оставаться парадигма научного и технологического развития, которое, по замечанию Ф. Бэкона, должно привести к невиданному благосостоянию человечества и абсолютной власти человека над природой¹. И хотя за последние триста лет знание действительно стало силой, трансформировавшей нашу цивилизацию, сегодня многие люди ощущают необходимость преодоления негативных сторон технологического прогресса, поставившего человечество на грань выживания, и осознают важность обращения к традиционным духовным ценностям.

Протоиерей Димитрий Кирьянов — кандидат богословия, кандидат философских наук, доцент и заведующий кафедрой богословия Тобольской православной духовной семинарии, старший преподаватель кафедры теологии Сургутского государственного университета, старший преподаватель кафедры философии и культурологии Тобольской государственной социально-педагогической академии им. Д.И. Менделеева.

¹ Бэкон Ф. Новая Атлантида // Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 509 и далее.

Однако в сознании многих современных людей духовные ценности существуют в мире, совершенно не связанном с интеллектуальными нуждами человека.

В контексте современного диалога науки и богословия большое значение имеет вопрос об отношении отцов Церкви к исследованию естественного мира. Контекст, в котором развивали естественное богословие святые отцы, может помочь нам акцентировать внимание на тех аспектах понимания мироздания, которые зачастую ускользают из поля зрения естественных наук.

1. Естественное богословие в творениях отцов Церкви

Необходимо отметить, что в период патристики не существовало такой формы знания или такой формы мысли, как современная наука. Тем не менее, в это время существовали рациональные представления о природе, начале мира и структуре пространства, движении небесных тел, были предприняты попытки объяснить различные явления природы, такие как штормы, землетрясения, затмения и т.д. Это были те составляющие, которые спустя много столетий должны были стать научным знанием. Следует отметить, что познание естественного мира рассматривалось святыми отцами не как самоцель, но исключительно в контексте основной цели человеческого существования — познания Бога. Используя язык греческой науки, отцы Церкви пытались сконструировать философию природы, которая противостояла ошибочным принципам, лежавшим в основе античной мысли, но они не противостояли изучению природы самой по себе. Иногда современные исследователи считают, что ранняя Церковь противостояла греко-римской интеллектуальной традиции. Отчасти этот подход может быть оправдан. В то же самое время христианские мыслители, которые критиковали греческую философию за ее тщетность, использовали ее методологию и ее линии мысли. В полемике с язычеством они формулировали, проясняли и отстаивали фундаментальные положения христианской веры и практики.

Христианское учение о творении мира Богом из ничего находилось в резком контрасте с космогоническими мифами язычества. В полемике с древней языческой мыслью отцы Церкви использовали аргументы, которые сегодня относятся к области естественного богословия, и эти аргументы использовали идеи и методы греко-римской философской традиции. Так, например, Тертуллиан использовал аргументы Платона в поддержку утверждения о том, что вселенная должна иметь начало, и ей не следует поклоняться. Кроме того, Тертуллиан прямо говорит о необходимости познания Бога через природу как первой ступени восхождения: «Бога сначала следует познать благодаря природе, а за-

тем узнать благодаря научению; и благодаря природе означает познать Бога из Его дел, а благодаря научению — из проповедей»².

Однако впервые систематическое рассмотрение вопросов естественного богословия получило развитие в александрийской богословской школе. Так, Климент Александрийский считал естественное богопознание одним из основных конструктивных элементов богословия³. Климент подчеркивает, что во всех людей, а особенно в тех, кто усиленно занимается наукой, вливается некий божественный поток, искры божественного Слова, некое предварительное мнение о Боге: «Интуиция единого всемогущего Бога всегда естественным путем присутствовала в душах благомыслящих людей»⁴.

Подробно развивает темы естественного богопознания в своем «Слове против язычников» свт. Афанасий Александрийский. Здесь представлены наиболее популярные в естественном богословии аргументы существования Бога — космологический и телеологический. Замысел повсюду обнаруживает себя в творении, «достоверность этого не сокрыта от взоров, но весьма очевидна всякому, у кого не вовсе ослеплено умное око»⁵. «Взирая на небесный круг, на течение солнца и луны, на положения и круговращения прочих звезд, совершающиеся различно и по противоположным направлениям, <...> кто не придет к той мысли, что не сами себя привели они в устройство, но есть иной приводящий их в устройство Творец?»⁶. «Итак, поелику во всем открывается не бесчиние, но порядок, не отсутствие меры, но соразмерность, не расстройство, но благоустройство и всестройное сочетание мира; то необходимо заключить и составить себе понятие о Владыке, Который все соединил и скрепил, во всем произвел согласие»⁷.

По мысли отцов Церкви познание внешних наук, таких как астрономия и геометрия, имеет меньшее значение, чем познание величия Божия и практическое стремление к единению с Творцом. Так, св. Василий Великий упрекал

---

²Тертуллиан. Против Маркиона. Цит. в пер. Фокина А.Р.: *Фокин А.Р.* Естественная теология в латинской патристике // *Философия религии: Альманах.* М.: Наука, 2007. С. 283.

³Михайлов П.Б. Естественное богопознание в греческой патристике // *Философия религии: Альманах.* М.: Наука, 2007. С. 249.

⁴Климент Александрийский. Строматы. Т. 2 (Книги 4–5) / Пер. Е.В. Афонасина. СПб., 2003. С. 196.

⁵Афанасий Великий, свт. Слово против язычников // *Афанасий Великий, свт.* Творения. Ч. 1. М.: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1902. С. 160.

⁶Там же. С. 172.

⁷Там же. С. 175–176.

философов и астрономов вовсе не за занятия наукой, но за то, что они, изучая сложные движения звезд, не смогли познать Бога, Творца Вселенной: «Ибо не знавшие Бога не допускали, что происхождение всех вещей зависит от разумной причины; а сообразно с сим коренным своим неведением заключали и о прочем»⁸. Св. Василий резко критиковал теорию вечности и божественности космоса и в то же самое время хвалил тех, кто использовал законы геометрии для того, чтобы опровергнуть учение о множественности миров. Совершенство и красота мира является школой богопознания. Физический мир интересен, прежде всего, тем, что он заставляет задуматься о сверхъестественном. Основные аспекты естественного богословия вполне отчетливо выражены в мысли св. Григория Богослова. Он отстаивает права на существование в христианском сознании внешних наук, в том числе естественных: «...не должно унижать ученость, как некоторые делают, но нужно признать глупыми и необразованными тех, кто, придерживаясь такого [мнения], желал бы, чтобы все были подобны им, чтобы в общей массе была незаметна их собственная [глупость] и чтобы избежать обличения в невежестве»⁹. Внешнее знание является основанием для развития естественного богопознания: «Есть Бог — творческая и содержательная причина всего; в этом наши учителя — и зрение, и естественный закон, — зрение, обращенное к видимому, которое прекрасно утверждено и совершает путь свой <...> естественный закон, от видимого и благоустроенного умозакрывающий о Началовожде его»¹⁰. В то же время свт. Григорий предупреждает об опасности того, чтобы за великолепием мира не упустить из виду самого Бога.

Богословие творения было с наибольшей глубиной развито св. Максимом Исповедником. Он выделяет три составные части церковного знания: практическая философия, естественное откровение, таинственное богословие¹¹. Естественное созерцание исследует чувственный мир и постигает в нем логосы бытия (λόγοι)¹². По мысли прп. Максима творение, с одной стороны, развивается под руководством Божественного Логоса, а с другой стороны, это руководство не исключает возможности саморазвития и формирования иерархических

---

⁸ *Василий Великий, свт.* Беседы на шестоднев // Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийския. Ч. 1. СПб., 1845. С. 3.

⁹ *Григорий Богослов, свт.* Слово 43 // Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. СПб., 1843. С. 609.

¹⁰ *Григорий Богослов, свт.* Слово 28 // Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. СПб., 1843. С. 394.

¹¹ *Михайлов П.Б.* Естественное богопознание в греческой патристике... С. 260.

¹² *Епифанович С.Л.* Прп. Максим Исповедник и византийское богословие. М. 1996. С. 127–131.

структур творения посредством логосов, которые были первоначально вложены в него Богом. Эти тесные отношения Логоса к миру выражаются при посредстве и в форме Его энергий, или малых логосов (λόγοι). Как указывает Е.Л. Епифанович, «соответственно троякой деятельности Логоса — творческой, промыслительной и судящей, и Его λόγοι, или идеи, проявляются трояко: как основные начала или законы естества (λόγοι φύσεως) и как цели или пути промысла и суда (λόγοι προνοίας καὶ κρίσεως)».

В XIV в. свт. Григорий Палама развивает святоотеческое учение о космосе следующим образом: «Как Дух научил нас, что только Бог является Единственным, Кто подлинно существует, и Он вечен и неизменен; Он не принимает Своего существования из ничего, и Он не направляет Свои пути в ничто; Он всемогущий в Трех Лицах; Он привел в существование за шесть дней с помощью Своего Слова все сотворенные вещи»¹³. Библейский нарратив о творении говорит о начале его существования: «В начале сотворил Бог небо и землю» (Быт 1:1). Космос имеет начало и, следовательно, он будет иметь конец, он не вечен. Его обусловленность является другим аргументом в поддержку этого утверждения. Космос сотворен из ничего, посредством действия Божественного Логоса, он есть дело всей Святой Троицы и может быть выражен в терминах тринитарного кенозиса. Как отмечает прот. И. Кирила, «эстетическое измерение термина космос используется Паламой, который подчеркивает благой порядок всех тварных вещей, действующих вместе и формирующих единство, упорядоченную систему, рассматриваемую в своей целостности как огромный орнамент»¹⁴. Эта система руководствуется законами физики, глубоко впечатанными в природу.

В православном богословии мир рассматривается как прозрачный для божественных энергий, которые являются средствами общения между Богом и человеком. Бог остается трансцендентным миру после творения, но этот мир несет на себе отпечаток Святой Троицы. Бог не является абсолютно трансцендентным, недоступным или непознаваемым. Он открывает себя нам посредством нетварных энергий, присутствующих в тварном мире. свт. Григорий Палама проводит различие между существом Бога, которое превышает всего тварного, и божественными энергиями, которые присутствуют в творении. Это помога-

---

¹³Цит. по: *Chirila I. Prospects for the Unity of Knowledge: Cosmos, Cult and Culture. An Orthodox Approach // Metanexus. URL.: <http://www.metanexus.net/magazine/tabid/68/id/10795/Default.aspx> (дата обращения: 10.10.2011).*

¹⁴*Ibidem.*

ет понять, что тварный мир есть дело рук Божиих, не изливание Его существа, но скорее плод благодати, божественных энергий. Как отмечает митр. Каллист (Уэр): «Говорим ли мы, как Максим (Исповедник), о живущих в вещах логосах, или предпочитаем «энергии» — слово Паламы — впрочем, ничто не мешает нам использовать оба эти термина — принципиальный смысл и интенция остаются для нас неизменными. Вся природа — богоявление. Всякий сотворенный человек или вещь остаются для нас неизменными. Мы должны видеть Бога во всем и все в Боге. Где бы мы ни были, что бы мы не делали, мы можем восходить через творение к Творцу»¹⁵. Эти λόγοι охватывают собой все бытие мироздания на всем протяжении его существования. Это означает, что человечество, жизнь и мир являются следствием одновременного действия двух видов причин, естественных и сверхъестественных, поэтому целостное объяснение должно включать оба аспекта реальности.

2. Естественное богословие в современной перспективе

Естественное богословие оказало значительное влияние на развитие научной мысли в эпоху нового времени. Многие мыслители развивали свои научные концепции в контексте глубокой убежденности в разумности и целесообразности мироздания. Так, например, Р. Декарт рассматривает Бога как основную причину сохранения общего импульса во вселенной. Для И. Ньютона присутствие Бога в мире было фактом как богословия, так и науки; пространство, в котором действуют силы природы, он называет «чувствилищем Бога»: «Существует, — утверждал он, — бесконечный и вездесущий дух, в котором материя движется сообразно математическим законам»¹⁶.

Однако после публикации в 1859 г. книги Ч. Дарвина «Происхождение видов» стало невозможно говорить о замысле в природе в терминах классического естественного богословия XVIII в. Не случайно в ряде острых полемических работ современный пропагандист атеизма на западе Р. Докинз подчеркивает, что дарвиновская эволюция устранила возможность использования традиционной аргументации «естественной теологии» У. Пэли¹⁷. По мнению Р. Докин-

---

¹⁵Каллист (Уэр), митр. Диоклийский. Через творение к Творцу. М., 1998. С. 9–13.

¹⁶Цит. по: Павленко А.И. Антропный принцип: истоки и следствия в европейской научной рациональности // Философско-религиозные истоки науки. М., 1997.

¹⁷Книга *Paley W. Natural Theology or Evidence of the Existence and Attributes of the Deity, Collected from the Appearances of Nature* была впервые опубликована в 1802 г. Современное переиздание: *Paley W. Natural Theology or Evidence of the Existence and Attributes of the Deity, Collected from the Appearances of Nature*. Oxford: Oxford University Press, 2006.

за, У. Пэли был типичным представителем своего времени, но сегодня никто не должен разделять этих идей¹⁸. Среди ученых теперь принято утверждать, что жизнь может быть объяснена полностью в чисто натуралистических терминах. Например, в своей оценке дарвиновской эволюции генетик Ф. Айяла пишет: «Величайшей заслугой Дарвина была демонстрация того, что направленная организация живых существ может быть объяснена как результат естественных процессов, естественного отбора, без какой-либо необходимости в обращении к Творцу или другому внешнему агенту»¹⁹.

С точки зрения православного богословия мы можем сказать, что нам нет нужды выбирать альтернативу между атеистическим материализмом Р. Докинза и фундаменталистским креационизмом. Принцип синергии, который развивался св. Максимом, означает, что идеологические предпосылки конфликта между эволюционизмом и креационизмом должны быть отвергнуты с самого начала. Когда мы говорим об антропогенезе, это предполагает, что логос человечества разворачивается постепенно посредством серии морфологических изменений, которые представляют собой раскрытие Божественного замысла согласно Божественной мудрости и в присутствии Логоса Божия. Эволюция осуществляется посредством естественного отбора, но не только через отбор. Отбор возможен, поскольку за изменениями окружающей среды и выживанием видов Божественный Логос осуществляет сложное взаимодействие случайности и необходимости в направлении осуществления Божественного плана творения.

Развитие современной науки показало, что человеческая способность понимания далеко превышает то, что можно было бы считать простой эволюционной необходимостью, или ее счастливым побочным эффектом, как утверждают некоторые современные пропагандисты атеизма, такие как упомянутый Р. Докинз. Мы можем проникнуть в тайны субатомной области кварков и глюонов, построить грандиозную картину структуры космического искривленного пространства-времени, причем эти способности не имеют для нас прямой практической пользы. Человек имеет неустранимое стремление к познанию себя, окружающего мира и своего места в нем, которое не может быть выведено только из эволюционной парадигмы. Человек задает вопросы онтологического характера: почему мир именно таков, каков он есть, почему он вообще суще-

---

¹⁸*Dawkins R. The Blind Watchmaker: Why the Evidence of Evolution Reveals a Universe without Design. N.Y., 1987. P. 5–6.*

¹⁹*Ayala F. Darwin's Revolution // Campbell J., Schopf J. Creative evolution? Boston: Jones and Bartlett Publishers, 1994. P. 4.*

ствуется, где источник красоты и гармонии, которую обнаруживает ученый в математических законах и др.?

В более широкой междисциплинарной перспективе можно сказать, что наука и богословие являются двумя дополняющими подходами к описанию реальности. Наука не является синонимом позитивистского натурализма или сциентизма, также как богословие не является обозначением средневекового супранатуралистического дуализма. Не существует априорного противоречия между Логосом и эволюцией, между творением и становлением. Как правило, происхождение человека рассматривается исключительно в одном из аспектов — научном или религиозном. Идея замысла в природе, являющаяся следствием философской, а не собственно научной рефлексии, как отмечает Я. Вольф, утрачена современным естествознанием, но она не должна быть отрицаема только на том основании, что замысел не является прямым следствием научной теории²⁰. Проблема заключается в том, что человек в объяснении своего места в мире не может довольствоваться редукционистским взглядом на природу, который предлагает наука. Взгляд на природу, основанный на естествознании, предполагает, что природа есть нечто иное как бессмысленные механизмы и случайные события. Если принять его со всей серьезностью, то как можно тогда утверждать, что мы имеем этические обязательства по отношению к тварной природе? «Мы не можем иметь никаких этических обязательств по отношению к продуктам бессмысленных процессов и случайных событий. Опыт смысла и внутренней ценности природы выражался посредством идеи замысла в природе; следовательно, мы не можем обходиться без нее»²¹.

Поль Дирак, один из отцов-основателей квантовой теории, однажды заметил, что для него более важной является математическая красота уравнений, чем их согласие с экспериментом!²² П. Дирак сделал свои главные открытия в течение жизни благодаря поиску математической красоты. Математика является чистой мыслью, а что может связывать эту мысль со структурой физического мира вокруг нас? Нобелевский лауреат по физике Евгений Вигнер однажды назвал это «непостижимой эффективностью математики», не имеющей никакого

---

²⁰Wolf J. The Idea of Design in Nature: Science or Phenomenology? // Metanexus. URL.: <http://www.metanexus.net/conference2009/articles/Default.aspx?id=10856> (дата обращения: 10.10.2011).

²¹Ibidem.

²²См., напр.: *Farmelo G. The Strangest Man. The Hidden Life of Paul Dirac, Quantum Genius.* London, 2009. P. 54.

рационального объяснения²³. Он назвал это даром, которого мы не заслужили и не поняли. Еще Альберт Эйнштейн подметил, что самая непостижимая вещь заключается в том, что видимый нами мир постижим и доступен человеческому разуму, что его можно осмыслить и понять²⁴. Но в попытке понять и осмыслить мир мы должны принять точку зрения, которая выходит за рамки самой науки. Натуралистическая метафизика не способна пролить свет на эту глубинную постижимость, поскольку она считает все фундаментальные свойства мироздания продуктом чистой случайности. С точки зрения христианского богословия творения, напротив, можно утверждать, что разум внутри нас и рациональная структура физического мира вокруг нас имеют общее происхождение в рациональности Бога, который является основанием и нашего ментального и нашего физического опыта. В христианском понимании наша способность исследовать разумную красоту вселенной является следствием того, что человек обладает особым даром, даром образа Божия.

Существование биологических систем не входит в противоречие с законами физики; но означает ли это, что все рассмотрение биологических систем подчинено физике? Подразумевает ли триумф молекулярной биологии окончательную победу редукционистской интерпретации биологии? Является ли предельной целью биологии, по словам Ф. Крика, «объяснить всю биологию в терминах физики и химии»²⁵? Такие богословы как Дж. Хот, И. Барбур и А. Пикок считают, что методологический редукционизм научных исследований не требует с необходимостью постулировать онтологический редукционизм²⁶. Ж. Моно утверждал, что случайные события в природе указывают на фундаментальную иррациональность и бессмысленность мира²⁷. По мнению А. Пикока, Бог является основой и источником и случая, и закона, и необходимости²⁸. Вместе они служат средствами непрерывного творения Богом физической, химической

²³ *Vigner E.* Непостижимая эффективность математики в естественных науках // *Vigner E.* Этюды о симметрии. М., 1971. С. 182–198.

²⁴ Впервые это высказывание приводится в книге: *Vallentin A. Einstein: A Biography.* N.Y.: Doubleday, 1954. P. 24.

²⁵ *Crick F.* *Of Molecules and Men.* Seattle: University of Washington Press, 1966. P. 10.

²⁶ См., напр.: *Барбур Й.* Религия и наука: история и современность. М., 2000. С. 283–286; *Пикок А.* Богословие в век науки. Модели бытия и становления в богословии и науке. М., 2000. С. 51–53; *Haught J.* *Is Nature Enough?* Cambridge, 2006. P. 82–83.

²⁷ *Monod J.* *Le Hasard et la necessite. Essai sur la philosophie naturelle de la biologie moderne.* Paris, 1970. P. 177–179.

²⁸ *Peacocke A.* *Evolution: the Disguised Friend of Faith?* N.Y.: Templeton Foundation Press, 2004. P. 180.

и биологической сложности, мира в целом, характеризуемого непрерывностью и возникновением, временностью и открытостью к бесконечности. Он пишет: «Если возникновение новых форм материи в мире является некоторым видом активности Бога, тогда это творческое действие должно рассматриваться как вечная деятельность Бога, а не как нечто уже завершенное полностью в прошлом. Научная перспектива космоса в развитии вводит динамический элемент в наше понимание отношения Бога к космосу, которое было ранее скрыто, хотя никогда не исключалось»²⁹.

Однако сегодня естественное богословие приобретает совершенно новое и более глубокое содержание, нежели в прошлом. Сегодня естественная теология включает в себя не только классические аргументы о замысле каждого из творений, но о замысле Вселенной в целом. Красота и гармония мироздания сегодня на языке науки выражены в так называемом «антропном космологическом принципе». Хотя человек во Вселенной появляется достаточно поздно, а существование разумной жизни по масштабам космического времени представляет собой лишь короткое мгновение, с точки зрения фундаментальной физики можно утверждать, что вселенная была «беременна» жизнью, основанной на углероде, поскольку с самого начала ее существования законы природы были таковы, чтобы в определенный момент времени в будущем эта жизнь смогла возникнуть. Жизнь могла развиваться только на планете, чье солнце было стабильным источником энергии, имеющим возраст более 4 млрд. лет, так чтобы это развитие могло достичь появления столь сложного существа, как человек. Мы знаем, какие процессы позволяют звездам излучать свет, и эти процессы зависят от чувствительного баланса между силами двух фундаментальных взаимодействий природы — гравитацией и электромагнетизмом. Если бы отношение между этими двумя силами незначительно отличалось, звезды должны были бы или сгорать слишком медленно, чтобы поддерживать жизнь, или сгорать столь быстро, так что они должны были бы истратить запасы своей энергии за несколько миллионов лет, гораздо раньше того момента, когда эта энергия могла бы понадобиться³⁰. Звезды имеют ключевое значение в этом процессе, поскольку только в их ядерной печи и в течение последующих взрывов сверхновых могут формироваться такие необходимые для жизни тяжелые элементы как углерод, кислород и другие. Одним из ученых, который расшифровал деликатную и красивую цепочку реакций, посредством которой мог быть получен химический ряд жизни, был

---

²⁹Ibidem. P. 61.

³⁰Anthropic Principle // Encyclopedia of Science and Religion. N.Y.: Gale, 2003. P. 13.

Ф. Хойл. Когда он увидел, при каких условиях возможна эта цепочка нуклеосинтеза, поскольку фундаментальные ядерные силы были именно теми, какими должны были бы быть, и не иначе, он пришел к выводу, что Вселенная должна быть результатом замысла³¹.

В свете современной астрофизики и космологии искренний ученый должен задать вопрос о самих физических условиях, в которых Вселенная оказалась способной дать начало жизни. Среди этих условий существенными для создания сложных организмов являются условия существования углерода и других тяжелых элементов³². В эволюции Вселенной появление углерода и других тяжелых элементов зависит от космических свойств, которые были строго фиксированными в первые микросекунды существования Вселенной. Можно не обращать на это внимания, но, как справедливо замечает Дж. Эллис, игнорирование этого факта лишь свидетельствует о нашем нежелании искать более фундаментального объяснения³³. Отвергая эту специфичность Вселенной, некоторые ученые предположили, что существует огромное множество различных вселенных, в которых реализуется бесконечное множество различных наборов естественных законов, а наша Вселенная является той, где к счастью возможна жизнь на основе углерода. Однако, это не научное предположение, но метафизическая спекуляция. Гораздо более экономное понимание представляет теистический взгляд, что существует только одна Вселенная, творение, которому дарована Творцом тонкая настроенность законов. По мнению Дж. Полкинхорна, антропные совпадения являются серьезным аргументом в пользу высшего разумного Творца мира. Он пишет: «Разумность и тесно взаимосвязанная структура мира являются базисом для нового естественного богословия. Ощущение, что в мире есть нечто большее, чем то, что предстает пред научным взглядом, вызывает мысль о Разуме, стоящем за этими процессами»³⁴. Хотя случайность эволюционного процесса, несомненно, является частью космической истории, она является только одним из аспектов, и правильное понимание этой истории требует признания другого неустрашимого элемента мироздания, выраженного в «тонкой настроенности» и законосообразности мироздания.

---

³¹Hoyle F. The Universe: Past and Present Reflections // Engineering and Science. 1981. Nov. P. 8–12.

³²Ibidem. P. 15.

³³Ellis G. Issues in the Philosophy of Cosmology // Cornell University Library. URL: http://arxiv.org/PS_cache/astro-ph/pdf/0602/0602280.pdf (дата обращения 2.02.2009).

³⁴Polkinghorne J. Creation and the Structure of the Physical World // Theology Today. 1987. № 44. P. 53.

Наиболее удивительным событием в космической истории после Большого взрыва, свидетелями которого мы являемся, можно назвать развитие жизни на планете Земля. В нас вселенная сознает себя. Блез Паскаль писал, что люди — это просто тростинки, несущественные и хрупкие перед лицом огромной Вселенной вокруг нас, но мы — мыслящие тростинки, и мы больше, чем все звезды, поскольку мы познаем их и самих себя, а они не знают ничего³⁵. Несмотря на очень интересный прогресс, который имеет место в нейробиологии, и исследование идентификации нейронных цепочек в мозге, которые обрабатывают информацию, получаемую нами из окружающей среды, мы не понимаем происхождения нашего самосознания. Очевидно, что оно связано с функционированием нашего мозга, но в то же время существует значительная дистанция между моделями нейронных сетей и простейшим ментальным опытом восприятия цвета или ощущения боли, не говоря о более глубоких сторонах сознательной деятельности человека. Нет никакой научной необходимости разделять редукционистскую парадигму, утверждающую, что мы являемся просто компьютерами, сделанными из атомов и молекул. Люди представляют собой нечто более фундаментальное.

Оценка глубокой сложности природы человека усиливается, когда мы рассматриваем вопрос о нашей нравственной природе. Вопрос о природе ценностей является одной из центральных метафизических задач. Несмотря на утверждения социобиологов об эволюционном происхождении морали, совершенно очевидно, что такие действия как, например, пытки детей, являются злом, и это восприятие никак не изменится от стратегии выживания того или иного вида, или сообщества. Физический мир является местом осуществления моральных императивов и этического выбора. Этот этический выбор может быть адекватно понят и осмыслен только с перспективы теистического понимания, которое предполагает, наши этические интуиции есть благо и совершенство, данное Творцом. Физический мир является также носителем красоты — другой предельно важной формы ценностей. Наш опыт музыки, который с чисто научной точки зрения является просто нейронным ответом на влияние колебаний воздуха на барабанную перепонку, является встречей с иным измерением реальности. Христианский теизм позволяет сделать этот опыт понятным и осмысленным, поскольку позволяет нам понять наш эстетический опыт как радостное общение с Творцом в творении.

---

³⁵ Паскаль Б. Мысли. М., 1994. С. 78.

Опыт человека является многослойным. Одно и то же событие может быть событием в физическом мире, временем нравственного вызова и решения, опытом красоты, а также случаем столкновения с сакральным. Для верующего человека синтез всех этих слоев реальности, их максимальное наполнение смыслом и ценностью осуществляется в богослужении, в причастности источнику всех смыслов и ценностей. Это богатство реальности является неразрешимой проблемой для натурализма. Фундаментальный вопрос, поставленный нами, заключается в том, живем ли мы в мире, который является космосом или хаосом? Имеет ли Вселенная целостный смысл, и теперь, и всегда, или ее история, в конечном счете, «ничего не значащая история?» Стивен Вайнберг, проникнутый атеистическим пессимизмом, утверждает: «чем более мы понимаем Вселенную, тем более она кажется бессмысленной»³⁶. Смерть, космоса или человека, является реальной, но для теиста она не является предельной реальностью. Последнее слово всегда остается за Богом, в Котором осуществится в конце времен преобразование творения, когда будет «Бог все во всем» (1 Кор 15:28).

3. Перспективы для диалога

История науки неразрывно связана с историей мысли. Помимо вклада в научное познание любой ученый прошлого или настоящего делает вклад в философское понимание мироздания. В этой связи очень важно проследить связи между научными и философскими и богословскими идеями, которые ученые имплицитно использовали в своих научных исследованиях. Эта проблема может быть не столь важна для самих ученых, но она имеет решающее значение для философов и богословов. Понимание значения этих проблем позволит избежать ошибок, которые были сделаны в прошлом в продолжение непростого диалога между наукой и религией. Характерным историческим примером здесь может являться дело Г. Галилея. В процессе над Г. Галилеем мы можем видеть те характерные свойства модели конфликта (в терминологии Й. Барбура), которые существуют и сегодня в оценке и принятии научных данных. Каким образом мы должны соотносить авторитет Писания и наследие святых отцов Церкви с тем знанием, которое человек получает посредством разума, наблюдений и экспериментов? Должны ли мы отвергнуть научные данные как ложные только на том основании, что мы считаем, что они противоречат нашему пониманию Священного Писания и Предания? Этот вопрос не был решен в полемике с кардиналом

---

³⁶Вайнберг С. Первые три минуты. Современный взгляд на происхождение Вселенной. Ижевск, 2000. С. 161.

Р. Беллярмино в 1616 г., поскольку кардинал полагал, что новая астрономия должна быть подчинена богословским предпосылкам. Г. Галилей предложил более корректный способ решения этого вопроса, говоря, что авторитет Писания и отцов Церкви имеет отношение только к вопросам веры, но движение Земли не является вопросом веры, и этот вопрос может быть разрешен только посредством разума и наблюдений³⁷. При решении научных проблем необходимо использовать методы науки вместо того, чтобы подвергать данные наук критике на основании того, что они, как кажется, противоречат авторитетным текстам религиозной традиции. В этой связи очень важно понимание критериев, которые используются в богословии. Современный конфликт эволюционной биологии и креационизма показывает, что эти критерии не всегда корректно используются противоположными сторонами.

В Церкви существует длительная экзегетическая традиция, которая отвечает на вопрос о том, как понимать Писание, когда с нашей точки зрения оно противоречит научным данным. Здесь уместно привести слова блаж. Августина: «Ведь нередко бывает, что и не-христианин немало знает о земле, небе и остальных элементах видимого мира, о движении и обращении, о величине и удаленности звезд, о затмениях солнца и луны, о круговращении годов и времен, о природе животных, растений, камней и тому подобном, притом знает так, что может защитить эти знания и очевиднейшими доводами, и жизненным опытом. Между тем бывает крайне стыдно, опасно и даже губительно, когда какой-нибудь неверный едва удерживается от смеха, слыша, как христианин, говоря о подобных предметах якобы на основании христианских писаний, несет такой вздор, что, как говорится, попадает пальцем в небо»³⁸. Правильное понимание термина *consensus patrum* предполагает, что он относится только к богословским проблемам и не может быть применим к научным вопросам. Если мы расширяем авторитет религиозных текстов за рамки богословского понимания, мы рискуем догматизировать, например, теорию четырех первоэлементов Эмпедокла, учение о трехчастности душ, заимствованное отцами Церкви у Аристотеля, теорию различных влаг, из которых состоит человек, учение о происхождении различных видов животных, которое соответствовало уровню научного знания той эпохи, но безнадежно устарело сегодня.

---

³⁷ *Finochiaro M.A. Defending Copernicus and Galileo. Las Vegas: Springer, 2010. P. 84–85.*

³⁸ *Августин Иппонский, блаж. О книге Бытия буквально // Августин Иппонский, блаж. Творения: В 4 т. Т. 2: Теологические трактаты. СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 2000. С. 335–336.*

Сегодня, когда мы говорим о конструктивном диалоге науки и богословия, необходимо уметь соблюсти баланс между наукой и религией. Проследить следы Всемогущего Бога в уравнениях А. Эйнштейна или вакуумных флуктуациях ошибочно, но из этого не следует, что Вселенная не нуждается для своего возникновения в Творческом разуме. Богословие не заменяет собой науку, но оно может внести более глубокое измерение в наше понимание истории мироздания, которого наука дать не может. Научные законы не несут никакой ценностной окраски, понятие нравственных норм невозможно вывести из естествознания — между тем, ценности играют определяющую роль в жизни человека и общества, и без них человеческое общество оказалось бы неустойчивым и прекратило бы свое существование очень быстро. Вопросы морального должностования, которые выходят за рамки собственно научной деятельности, сегодня становятся особенно актуальными, ведь человек вплотную подошел к черте, когда он может при определенном развитии технологии начать воспроизводить генетические копии животных и людей.

Если наука изучает естественный мир с точки зрения его разумности, постижимости и упорядоченности, то богословие рассматривает ценностные и смысловые аспекты этого мира, которые выходят за рамки науки. Если богословие ищет познания предельной трансцендентной реальности — Бога, то наука может дать нам ключи к пониманию того, каким образом эта предельная трансцендентная реальность проявляется себя в гармонии и порядке Вселенной. Хотя богословие и наука имеют различные области компетенции, они стремятся к достижению одной цели: найти истинное или полное понимание реальности. Поэтому весьма важно междисциплинарное взаимодействие между ними.

Источники и литература

1. *Августин Иппонский, блаж.* О книге Бытия буквально // *Августин Иппонский, блаж.* Творения: В 4 т. Т. 2: Теологические трактаты. СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 2000.
2. *Афанасий Великий, свт.* Слово против язычников // *Афанасий Великий, свт.* Творения. Ч. 1. М.: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1902.
3. *Василий Великий, свт.* Беседы на шестоднев // Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийския. Ч. 1. СПб., 1845.

4. *Григорий Богослов, свят.* Слово 43 // Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. СПб., 1843.
5. *Григорий Богослов, свят.* Слово 28 // Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. СПб., 1843.
6. *Климент Александрийский.* Строматы. Т. 2 (Книги 4–5) / Пер. Е.В. Афонасина. СПб., 2003.
7. *Вайнберг С.* Первые три минуты. Современный взгляд на происхождение Вселенной. Ижевск, 2000.
8. *Вигнер Е.* Непостижимая эффективность математики в естественных науках // *Вигнер Е.* Этюды о симметрии. М., 1971.
9. *Епифанович С.Л.* Прп. Максим Исповедник и византийское богословие. М., 1996.
10. *Каллист (Уэр), митр. Диоклийский.* Через творение к Творцу. М., 1998.
11. *Михайлов П.Б.* Естественное богопознание в греческой патристике // *Философия религии: Альманах.* М., Наука, 2007.
12. *Павленко А.И.* Антропный принцип: истоки и следствия в европейской научной рациональности // *Философско-религиозные истоки науки.* М., 1997.
13. *Фокин А.Р.* Естественная теология в латинской патристике // *Философия религии: Альманах.* М., Наука, 2007.
14. *Anthropic Principle* // *Encyclopedia of Science and Religion.* N.Y.: Gale, 2003.
15. *Ayala F.* Darwin's Revolution // *Campbell J., Schopf J.* Creative evolution? Boston: Jones and Bartlett Publishers, 1994.
16. *Chirila I.* Prospects for the Unity of Knowledge: Cosmos, Cult and Culture. An Orthodox Approach // *Metanexus.* URL.: <http://www.metanexus.net/magazine/tabid/68/id/10795/Default.aspx> (дата обращения: 10.10.2011).
17. *Crick F.* Of Molecules and Men. Seattle: University of Washington Press, 1966.
18. *Ellis G.* Issues in the Philosophy of Cosmology // *Cornell University Library.* URL: http://arxiv.org/PS_cache/astro-ph/pdf/0602/0602280.pdf (дата обращения 2.02.2009).

19. *Finnochiaro M.A.* Defending Copernicus and Galileo. Las Vegas: Springer, 2010.
20. *Peacocke A.* Evolution: the Disguised Friend of Faith? N.Y.: Templeton Foundation Press, 2004.
21. *Polkinghorne J.* Creation and the Structure of the Physical World // *Theology Today*. 1987. № 44.
22. *Wolf J.* The Idea of Design in Nature: Science or Phenomenology? // *Metanexus*. URL.: <http://www.metanexus.net/conference2009/articles/Default.aspx?id=10856> (дата обращения: 10.10.2011).